

Шэнь Цин совсем не хотел спрашивать Бай Сюйяо, почему он потерял контроль. Приведя в порядок свою мокрую одежду, он достал из шкафа домашний костюм и собрался выйти, чтобы переодеться. Бай Сюйяо, чувствуя себя виноватым, коснулся своего носа:

— Можешь переодеться здесь.

Дверь уже была открыта, но Шэнь Цин, услышав слова Бай Сюйяо, даже не остановился, а лишь захлопнул её за собой.

Переодевшись, он не спешил возвращаться в комнату, а сел в гостиной, позволив тьме окружить себя. В голове царил хаос: воспоминания о конце света и события последнего времени переплетались, создавая неразбериху.

В какой-то момент из-за туч выглянула луна, похожая на нефритовый диск, и её мягкий свет, проникнув через окно, окутал Шэнь Цина, разгоняя тьму вокруг и окутывая его серебристым сиянием. Он поднял взгляд на окно, подсчитав в уме, что скоро будет Праздник середины осени. Первая мысль, которая пришла ему в голову, — пора есть лунные пряники!

Его разум, ранее полный беспорядка, мгновенно заполнился образами различных пряников: с лotosовой пастой, с бобовой пастой, с орехами, фруктовые... Шэнь Цин сглотнул слюну, поняв, что тратит время на пустые размышления, и решил, что еда важнее.

Он потирал руки, обдумывая, какие виды пряников приготовить, как вдруг дверь комнаты Цуй Юя открылась, и он, словно говоря о погоде, сообщил Шэнь Цину:

— У твоего Доубао вырос хвост.

— Что?

Шэнь Цин моргнул, впервые оказавшись в полном недоумении.

Бай Сюйяо тоже вышел и, услышав слова Цуй Юя, увидел Шэнь Цина, всё ещё сидящего на диване в растерянности. В его сердце что-то смягчилось — его красавица мог быть таким милым!

Не говоря ни слова, он подошёл, взял Шэнь Цина за руку и поднял, как ребёнка:

— Красавица, пойдём со мной, хорошо?

Очнувшись, Шэнь Цин с усмешкой оттолкнул его руку:

— Хорошо, твою мать.

С этими словами он направился прямо в комнату Цуй Юя.

Это был уже второй раз, когда красавица ругался? Бай Сюйяо задумался, когда же разрушился его образ холодного и спокойного человека.

Доубао сидел на кровати, его волосы стали гуще, маленькие ушки торчали среди них, а круглые глаза, ранее чёрные, теперь светились голубым оттенком. За ним вился пушистый серо-чёрный хвост, который, увидев Шэнь Цина, начал радостно вилять.

— Ау-у-у!

Звуки, которые он издавал, больше напоминали щенячий лай. Он неуклюже пополз в сторону Шэнь Цина.

Если раньше Доубао был просто милым, теперь его очарование достигло максимума, и Шэнь Цин был покорён. Он сделал несколько шагов вперёд, подхватил Доубао на руки, и тот, прищурившись, уютно устроился у него на груди, обвив хвостом его руку.

Однако, присмотревшись, Шэнь Цин заметил, что тело Доубао стало полупрозрачным, как дух, подобно тому, как выглядел Бай Сюйяо, когда его духовная сила была на исходе. Шэнь Цин погладил Доубао по спине, словно успокаивая, и тот, урча, ещё больше прижался к нему.

Бай Сюйяо потрогал пушистую голову Доубао и, бросив взгляд на Шэнь Цина, сразу понял, о чём он думает, и успокоил:

— Не волнуйся, взгляни на Цуй Юя, он знает, что делать.

— Ты действительно меня знаешь.

В голосе Цуй Юя звучала лёгкая досада, но он терпеливо объяснил:

— Доубао — это легендарный Пёс Инь-Ян. Сначала я только подозревал, так как видел упоминания лишь в древних текстах, но теперь уверен. Пёс Инь-Ян рождается из предмета, обладающего сильной духовной энергией, который долгое время поглощает духовную силу и духовную энергию. В дневной форме он принимает человеческий облик, питаясь духовной энергией, а в ночной становится духовным псом, существующим за счёт духовной силы. Каждое полнолуние происходит инверсия инь и ян, и всё, что содержит духовную силу, становится его пищей. В древности говорили, что если его не воспитывать, он станет великим злом.

— Великим злом?

Шэнь Цин посмотрел на Доубао в своих объятиях, думая, что, похоже, вокруг него собрались одни опасные существа. Поговорка «рыбак рыбака видит издалека» явно не работает!

Доубао, ничего не понимая, поднял голову, ушки дрогнули, и он лизнул Шэнь Цина за подбородок.

— Это значит, что если его не воспитывать с детства, он будет думать только о еде и в итоге станет опасным.

Бай Сюйяо кратко объяснил, одновременно оттягивая Доубао за загривок, чтобы тот больше не лизал.

Цуй Юй многозначительно посмотрел на Бай Сюйяо и безжалостно высмеял:

— Да, прямо как ты.

Не дав Бай Сюйяо разозлиться, он продолжил серьёзно:

— Сейчас у него первая инверсия, ему нужно много духовной силы. Когда он насытится, проспит два-три дня, переваривая её, а проснувшись, снова примет человеческий облик, но немного подрастёт и, вероятно, сможет говорить.

Шэнь Цин почувствовал лёгкое волнение.

Ночью приготовить достаточно еды для Доубао было непростой задачей. Шэнь Цин, подумав, отнёс Доубао в свою комнату, бормоча:

— Хорошо, что у меня есть запасы.

Подойдя к двери, он вдруг обернулся и сказал Бай Сюйяо:

— Ты не входи, иначе проваливай.

С этими словами он запер дверь, оставив Бай Сюйяо и Цуй Юя снаружи.

Доубао, будучи знакомым с этой комнатой, спрыгнул с рук Шэнь Цина и начал кататься по кровати, ведя себя так же, как Бай Сюйяо. Шэнь Цин фыркнул, затем взял чашку и налил немного воды из ручья.

Как только вода появилась, Доубао замер, затем, с торчащими волосами, сел и уставился на чашку в руках Шэнь Цина. Когда тот подошёл к кровати, Доубао ловко обнял его ногу, виляя хвостом и подставляя мордочку к чашке.

— Не спеши, сначала попробуй немного.

Шэнь Цин держал чашку снизу, а Доубао крепко обхватил её лапами и поднёс ко рту, вытянув язык, чтобы попробовать. Но воды было мало, и, сколько он ни старался, не мог дотянуться. Шэнь Цин рассмеялся, видя его глуповатую милоту, и, под давлением жалобного взгляда Доубао, наклонил чашку, чтобы вода медленно стекла по стенке и попала ему в рот, где была аккуратно слизана, не пролив ни капли.

Выпив, Доубао протянул чашку Шэнь Цину, показывая, что хочет ещё. Шэнь Цин налил ещё полчашки, и на этот раз Доубао сам наклонил её и выпил. С громкой отрыжкой его веки опустились, и он, не успев вернуть чашку, повалился на кровать, обняв хвост и пустую чашку, изредка причмокивая.

Видя, как сладко он спит, Шэнь Цин тоже зевнул, лёг и обнял тёплое тело Доубао, продолжая спать.

Возможно, из-за мыслей о лунных пряниках, Шэнь Цин проснулся рано утром. Он сварил большую кастрюлю овощного супа, приготовил свежие початки кукурузы и тонкие лепёшки из кукурузной муки, а также нарезал овощи для салата. Порции были большими, чтобы можно было сделать рулетики с овощами и кукурузой или есть всё по отдельности.

Шэнь Цин, держа во рту кукурузную лепёшку, приступил к приготовлению пряников. Первыми были те, которые могли есть Бай Сюйяо и Цуй Юй — с кожурой из фиолетового батата и начинкой из фруктов. Основным ингредиентом фруктовой начинки была дыня, которая дешёвая, легко формируется и долго хранится. Шэнь Цин знал рецепт, в котором дыня смешивалась с яблоками, грушами и другими фруктами. Все ингредиенты нарезались на мелкие кусочки, сок отделялся для приготовления напитков, а сами кусочки обжаривались на сильном огне до мягкости, затем добавлялись лимонный сок, сахар, соль и, наконец, патока, чтобы высушить смесь.

Кожура была проще: фиолетовый батат варился, разминался в пюре, а затем использовался для обёртывания начинки и формирования пряников.

Для себя Шэнь Цин приготовил меньше, используя начинки, купленные в интернете:

лотосовую пасту, бобовую пасту, яичный желток. Для кожуры он использовал муку и специальную смесь для лунных пряников. В итоге получилось несколько десятков пряников, большинство из которых были сладкими. Шэнь Цин не любил солёные пряники, такие как с перцем, ветчиной или говядиной, попробовав их лишь однажды.

Бай Сюйяо, незаметно подкравшись к кухне, наблюдал за Шэнь Цином, жуя кукурузный початок и держа в руке овощной рулетик.

— Это... лунные пряники? — спросил он, одновременно поднося рулетик ко рту Шэнь Цина.

<http://bllate.org/book/16244/1460630>